

Сергей КРИВОРОТОВ

ЗАПИСКИ ИСЧЕЗНУВШЕГО

Появлялось ли у вас когда-нибудь ощущение резкой перемены окружающего? Ну, как бы объяснить... Однажды в детстве весной я заболел корью, меня держали в комнате с закрытыми окнами несколько дней — было такое поверье, что в темноте меньше высыпаний на коже. А потом, когда болезнь прошла и мне разрешили выйти на улицу, я попал словно в другой мир. За то время, что я провалялся взаперти в полутёмном помещении, на деревьях распустились почки, всё вокруг зазеленело под солнечным шквалом весны, и даже городской с запахами бензина и асфальта воздух казался небывало свежим, наполненным чем-то необыкновенным. То ли далёкими ароматами лесов и лугов, то ли прохладной речной свежестью, словом, это было расчудесно. И такое же ощущение возникло у меня теперь, когда я смотрел на красное солнце над зеркалом реки. Но, наверное, надо по порядку. Всё началось во времена моего сотрудничества в редакции газеты.

Те годы позже определили эпохой застоя, но тогда-то, естественно, мы этого названия не знали. Работа мне нравилась, но полного удовлетворения от неё я не получал, да иначе и не могло быть. Куда ни ткнись — всё запрещённая тема. Какая уж тут радость от результатов своего труда! Приехала, допустим, зарубежная рок-группа, очень даже неплохая по меркам, конечно, соцлагеря — «Унгария», например, или польские «Червоны гитары». Случалось и такое. Билетов не достать, народу не пробиться, а ты вместо своих искренних впечатлений изволь-ка охаить её как положено, чтоб ни у кого не возникало сомнений в тлетворности этого чуждого нам западного влияния! А то и вовсе тишина на однообразных газетных полосах, как будто ничего и нет в унылой провинциальной «культурной жизни». А ты, друг наш, поезжай на денёк-другой в район да тисни восторженную статейку о сельской самодеятельности. Так и насаждалась серятина.

Наркомании и проституции, как и организованной преступности, у нас тогда просто не существовало на страницах печати, алкоголизм был не социальной болезнью, а следствием индивидуальной распущенности. Воздух наш был чист и вода прозрачна. Ладно бы ещё редактора даже согласованный заранее материал искромсают и мелким шрифтом пустят (оплата у нас производилась по газетной площади, а не построчно, с помощью такой специальной хитрой линейки). Так нет, мало того, редактор одобрит, в пробный оттиск пойдёт вещичка, но появляется обязательный цензор из отдела пропаганды и агитации обкома, который зачастую ничего ни в нашем, ни в своём деле не понимает и образования-то не то чтобы высшего гуманитарного, а и специального среднего не имеет, сам двух слов без бумажки связать не может и грамотностью своей даже элементарным школьным требованиям не отвечает, а туда же, облечён властью судить и не пущать. Да и ясное дело: кто денежки даёт, тот и музыку заказывает, переиди комсомольская газетёнка на самоокупаемость, вылетела бы в трубу на следующий же день. Так вот, не понравься, к примеру, этому цензору какая впервые читанная фамилия в рядовом, по всем резонам заштатном материалчике, и статья выбрасывается вон. А у редактора, чтоб не оставлять пустое место на страницах (разве могло у нас быть подобное!) уже наготове дежурная белиберда вроде фотоснимков с уборки томатов или с портретами швей-мотористок, крутильщиц, мотальщиц, лихо разделяющих встречный план. Какое уж тут удовлетворение!

Мы ведь понимали, что статьи с лозунгами «давай, давай!» и «ура!» не то что мало кого вдохновляли, а и мало кем читались. Газетные страницы использовались больше в бытовых целях: для обёртки там, при оклейке стен обоями, а чаще вместо дефицитной

тогда туалетной бумаги. И временами я чувствовал отвращение к своей пустопорожней работе, хотелось хоть раз сделать что-то стоящее, интересное, запоминающееся, что будут читать и перечитывать.

Так вот, именно тогда в бытность мою корреспондентом областной молодёжной газеты в руки мне попали две общие тетради, исписанные аккуратным наклонённым влево почерком. В годы застоя не мыслили мы безалкогольного застолья. Было у меня и прочих друзей, таких же холостяков, как и я, в то время любимое местечко — балкон буфета на последнем этаже девятиэтажной гостиницы. Частенько сживали мы тёплыми вечерами, глядя на россыпь городских огней, и говорили о разном. Бутылки сухого, а то и водки на столике перед нами способствовали полноте общения. Все мы были знакомы с детства и, естественно, дружба наша не ограничивалась тесными рамками застольной бытовки. Я проходил в нашей компании под псевдонимом «Журналист», тогда как бывший одноклассник Фёдор Задоров отзывался на обращение «Юрист». Надо сказать, что на юридический факультет в ту пору он так и не поступил, хотя мечтал о том со школы и дважды срезался на вступительных. В конце концов, он устроился в областном управлении внутренних дел, о работе своей никогда не распространялся, но по его уверениям, который год собирался подать документы на заочный юрфак.

В этот вечер мы сидели вдвоём, курили и смотрели на цепочки желтых огней, высвечивающих сумеречный город внизу, на красные огоньки далёкой телевизшки и думали каждый о своём, разговаривать не особенно хотелось, не хватало остальных составляющих нашего круглого стола, уравновешивающих наши противоположности. Все наши беседы обычно переходили в громкие споры, каждый пытался доказать или навязать свою несхожую точку зрения, и, разумеется, ничего путного из этого не выходило. Но сегодня шума не хотелось, казалось, сам воздух наполнен какой-то вялостью, истомой, передававшейся и нам. Кроме нас, на балконе за двумя соседними столиками сидели одинокий постоялец гостиницы, по виду командировочный, методично наливавшийся коньяком на фоне ночного города, и тихо шепчущаяся в тёмном уголке молодая пара за давно ополовиненной бутылкой шампанского.

— Знаешь, — сказал Фёдор после второй бутылки венгерского рислинга, — у меня есть для тебя интересный материалчик.

— В каком смысле? — спросил я без энтузиазма, уже тогда подумывая об уходе из газеты.

— То есть не то чтобы для какой-то там статьи, но, я думаю, тебе будет интересно. Пригодится, во всяком случае, для чего-нибудь.

Он знал, что в свободное время я пытаюсь писать для себя, я не делал из этого особого секрета, хотя и никого не знакомил с результатами подобных проб. Говоря «для чего-нибудь», он имел в виду именно мои не связанные с газетой опыты. Я и сам не знал, получится ли у меня что-то путное, только надеялся обойтись при этом без молодёжки, без её редакторов и литконсультантов из местного отделения Союза писателей.

— Уголовщина? Какая-нибудь банальная уголовщина... Драма на охоте... — полупровоспитательно предположил я, стараясь не показать интереса, а сам уже заказывал у буфетчицы ещё одну запотевшую бутылку. Подобного заявления от Юриста слышать ещё не приходилось.

— Нет, не совсем, — замялся Фёдор, прикуривая от газовой зажигалки. Огонёк выхватил его точёное лицо с правильными чертами из полумрака гостиничного балкона. Длинный прямой нос, цепкий взгляд прищуренных глаз. Словно местный Шерлок собирался ввести меня в роль своего доктора Ватсона. — В общем, так, — тихо продолжал Юрист, удостоверившись, что никто его не подслушивает. — Два года назад пропал некий гражданин, житель нашего города тридцати трёх лет отроду. Расследование, увы, ничего не дало...

— Может быть, уехал? Скрылся от семьи? А может, кто-то свёл с ним счёты? — я вспомнил, как два года назад исчез студент шестого курса медицинского института, спустя три месяца его труп обнаружили далеко за городом. При вспышке сигареты я различил, как досадливо поморщился Фёдор.

— Нет, мы перебрали все возможные версии. Скорее всего, это не убийство. Самое странное — труп так и не найден. Так вот, дело это прекращено, а тебе я давно собирался показать оставшиеся от него записи. Ценности для следствия они не представляли, но хотелось бы, чтобы ты, как спец, сделал свои выводы, да и, может, что-то пригодится для твоей работы. Хотя, как знать...

— Ты хочешь от меня официального заключения? — удивился я, метко плеснув по стаканам холодного вина.

— Нет, что ты, я же сказал: дело прекращено. Просто мне самому интересно услышать твоё мнение.

– А о чём там? Что, стихи, проза?

– Что-то вроде дневника, да ты сам посмотришь, этакие записки припудренного...

Признаться, он меня немало заинтриговал и, как пообещал, занёс тетради на следующую же день прямо на работу в мой отдел.

– Только, знаешь, – озабоченно предупредил он, передавая свёрток из рук в руки,

– ясное дело, писавший это явно был не совсем в себе, и не стоит сразу всё перечитывать, неизвестно, как бы это сказать... Не может ли этакое передаваться, ну, как зараза, понимаешь? Умственная инфекция... – закончил он смущённо, с затруднением подбирая слова. Что было на него совершенно непохоже.

– Ты чтой-то заговариваешься сегодня, Юрист, – хлопнул я его по плечу с оттенком превосходства.

– В общем, я тебя предупредил, а там смотри... – он пожал мне на прощание руку и ушёл, оставив в некотором недоумении наедине с таинственным свёртком.

Две обыкновенные общие тетради в синем переплёте, исписанные шариковой ручкой. Почерк не представлял труда для чтения, несомненно, в детстве этот человек имел пятерку по чистописанию. Я пробежал глазами первую страницу, пролистал несколько последующих и разочарованно отложил тетрадь. Это был даже не дневник, просто записки, лишённые сюжета, нечто вроде потока большого сознания. Автор явно страдал каким-то психическим заболеванием, настолько, что практически свылся с ежедневными галлюцинациями. Ну, и что? И зачем Юрист подсунил мне эти тетради? Не разыгрывай ли это, чем они могут быть интересны мне, человеку далёкому от психиатрии? Я вспомнил записки сумасшедших именитых авторов. Сразу пришли на ум Гоголь, Достоевский, Толстой, Акутагава. Там был стиль, идея, всё это писалось не просто так, а с определённой целью, обличало, отражало и тэ дэ, и тэ пэ. А здесь? Просто бредятина какая-то без начала и без конца, непонятно во имя чего написанная, пена с больной души. Но если Юрист не врёт, то он ждёт от меня какой-то помощи, да к тому же сомневается, не представляет ли чтение этого опуса угрозу для слишком внимательного или впечатлительного читателя... Впрочем... говорят, что всякое общение с сумасшедшими несёт в себе опасность, безумие заразительно... Почему Юрист не показал записки психиатрам? Хотя этого не может быть, наверняка у них есть соответствующее заключение эксперта. Надо уточнить при встрече. А пока я пересилил себя и заставил приступить к чтению эпизодов из жизни исчезнувшего.

Приводить их все не имеет смысла, я не вижу никакой в том необходимости. Хотя они довольно читабельны, повторяю, в них даже не видно личности писавшего. Достаточно привести лишь несколько отрывков...

«...Я шёл по улице, припорошённой вчерашним снегом, и пытался что-то вспомнить, что-то очень важное для меня, что только что ускользнуло из памяти. Старые одноэтажные хибары придавали району сельский вид. Эти деревянные домишки, возможно, построенные ещё до революции, всегда успокаивали взор, в отличие от многоэтажных коробок новостроек. А какой здесь простор для киношников, снимающих фильмы с использованием дореволюционного быта! Краем глаза я ухватил какой-то сдвиг, что-то там происходило, на что я не мог не обратить внимания. И ощутил смутную тревогу.

Я посмотрел вбок и даже остановился, прервав хрустящий звук шагов, несмотря на морозец, лоб под мехом шапки моментально вспотел. На противоположной стороне на коньке одноэтажной, вросшей в землю развалюхи сидел на корточках чёрный человек и пялился на меня нахальными глазами. Пока я раздумывал, не взять ли кусок кирпича из-под ног и не запустить ли в наглую рожу, чёрный человек погнёс указательный палец к губам, а затем сделал вальяжный жест рукой: иди, мол, своей дорогой, как шёл. Другой рукой при этом он держался за доски конька. Я зажмурился, отвернулся и двинулся дальше, но тут же посмотрел на подозрительную крышу – чёрный человек исчез, будто его и не было. Что же это, галлюцинация?

Подобное не могло не встревожить, но это случалось со мной не впервые, и я быстро успокоился и на этот раз.

Я уже почти привык ко всякого рода неожиданностям. Так, вчера мимо меня прошёл белый трамвай с нарисованным чёрным котом. В том, что он белый, не было ничего странного, в нашем городе большинство трамваев окрашены в различные нестандартные цвета, покрыты всевозможными рекламными надписями и изображениями от «Играйте в спринт» до «Звоните при пожаре 01». Так что и в изображении кота не было ничего чрезвычайного, но я обратил внимание на его бьющую в глаз подвижность. Представить только – на борту идущего трамвая огромный кот зловеще двигался, жмурил глаз, устрашающе выгибал чёрную спину, сыпал во все стороны голубыми искрами. Если бы не шум от самого трамвая, наверняка можно было бы услышать его гурашливое мяуканье. Жутко мне стало на какой-то миг от такой картины.

Вероятно, все подобные видения — следствие расстройства моего восприятия. Но главное, чтобы подобный хаос не воцарился бы там, внутри мозга. Пока вроде бы я контролирую свои мысли и прочее. Да и если разобраться, то все эти нереальные события не столь уж фантастичны. Что мы знаем о мире? Несомненно, наша реальность лишь его малая серенькая часть, воспринимаемая нашими ограниченными органами чувств. Мы утратили способность постигать находящееся за его зыбкой гранью, а именно там, возможно, и происходит настоящая яркая жизнь. Оттуда, вторгаясь в нашу пресловутую реальность, может прилететь пуля, явиться неожиданная болезнь, примчаться на бешеной скорости роковой автомобиль. Но оттуда же бывают радостные вести, ощущение счастья без причины, ожугание перемен. Возможно, и любовь приходит именно оттуда. И когда что-то ломает в нас привычное восприятие окружающего, то, несомненно, до нас начинают доходить и другие вещественные сигналы более широкого мира, как если бы мы начали воспринимать ультра- и инфразвуки, существующие помимо нас, или обычно невидимую глазом часть светового спектра. Сигналы эти накладываются на нашу реальность, порождая новые, кажущиеся фантастическими сочетания, будь то двигающийся чёрный кот на трамвае или сидящий на крыше чёрный человек. Когда всё можно объяснить, становится спокойнее на душе. Но ведь если рассуждать подобным образом, то при подборе каких-то паранормальных обстоятельств каждый может приобрести вновь утраченное восприятие не только настоящего, существующего в данный момент, но и прошлого и, что особенно важно, будущего. Как только я осознал это, у меня появилась уверенность, что я могу постигать ближайшее будущее других людей. И действительно, это оказалось так, в том я убедился позже, но, странно, так и не научился предвидеть, что ожидает меня самого...

...Зазвонил у меня телефон. Вроде бы, ничего особенного. Но если учесть, что аппарат у меня без проводки, просто так, сам по себе — молчаливое до сих пор украшение, от прежних хозяев квартиры презент, — то случай, понятно, из ряда вон.

Голос в трубке оказался приятным, женским, молодым. Я не очень-то удивился, звуковые колебания бегут по проводам, преобразованные в электричество, а затем совершается обратное действие, и трубка вещает различными голосами. Так что, если рассудить, вполне вероятно, додумались, как обходиться не только без проводов, но и без источника питания, направленным каким-то пучком энергии, как радио, например. Поэтому я, действительно, не удивился.

— Помогите, — сказала девушка. — Помогите! Пожалуйста, помогите!

— А что случилось-то? — спросил я сонно, время около трёх ночи, я в самом деле спал до звонка.

— Понимаете. Как бы это сказать?.. Шалят... рядом старое кладбище и... Запишите адрес.

— Да вы объясните толком, — стоять босиком на холодном полу не такое уж большое удовольствие.

— Приезжайте поскорее!

— Да, но на чём? — резонно удивился я, своих колёс у меня нет, а на такси вряд ли можно рассчитывать... И тут же себя огёрнул: что это я? О чём спрашиваю? И кто она такая? Да какое мне вообще дело? — Да вы куда звоните-то?

— А это разве не милиция?! — неподдельно изумилась ночная собеседница. — С кем я говорю, собственно?

— С вами говорит доктор эзотерических наук... — напыщенно загробным голосом изрёк я внезапно для себя самого.

В трубке раздалась панические гудки отбоя.

И вдруг я услышал металлический смех.

— Ха-ха-ха! Мне понравилась твоя шутка! — произнёс зловеющий баритон с нечеловеческими нотками и опять деланно рассмеялся.

Я бросил трубку и почувствовал, как моментально покрываюсь холодным потом. Нет, серьёзно, в голосе действительно слышалось нечто потустороннее. Такие вот дела...

... — Извините, вы не видели здесь двух таких маленьких гномиков?

Девушка остановилась и ошеломлённо покачала головой.

— А вы боитесь зелёных крокодилов? Да? Тогда я обязательно должен вас проводить...

Последовавший каскад фраз иссяк, когда мы миновали целых три квартала. Девушка устремила на меня любопытные глаза:

— Вы сумасшедший, пьяный или просто так притворяетесь?

— Сумасшедший я. Конечно, сумасшедший, в том сомнений быть не может... — за-

душевно поделился я и, заметив у неё признаки смятения, поспешил успокоить: — Но не буйный, социально я не опасен, у меня есть справка из диспансера.

— Тогда — другое дело, — сказала она с явным облегчением, так что я сразу засомневался: а у неё самой-то все дома?

Тёплая июньская ночь вела нас по узким почти безлюдным улочкам города. Под фонарями, сбиваясь в облачка, лихо плясала очумелая мошकारа, а мы шли, шли и шли дальше... Боже, как давно это было, даже имени её не сохранилось, только взгляд обращённых на меня то смеющихся, то задумчивых чёрных блестящих глаз, и больше ничего. Мы встречались потом ещё, но это было так давно... Где та девушка теперь? Какой она стала? Впрочем, хорошо, что знакомство было недолгим, иначе воспоминания остались бы совсем другие...

...Самый тягостный праздник для меня — 8 Марта, День международной солидарности женщин. Я ничего не говорю, поздравить мать или жену, у кого они есть, куда ещё ни шло. Но при чём здесь всякие девочки, молодушки не рожавшие... Да и о какой международной женской солидарности может идти речь? Как это реально возможно? Если взять конкретно двух женщин не то что разных народов, а одного, даже родственниц, да они не то что найти общий язык не смогут, а отыщут десятки причин, чтобы разругаться в пух и прах, разограться и враждовать. Скорее, любые мужчины с женщиной договорятся между собой, если, конечно, оба в нормальном состоянии. Где и когда женщины участвовали с обеих сторон в серьёзных международных переговорах? Так что правильнее будет говорить о международной солидарности мужчин. Так давайте же выпьем за нашу мужскую солидарность!..

Мой любимый самолично сочинённый тост на 8 Марта, как всегда, имел бурный успех и на этот раз. Все развеселились, то есть не приняли его всерьёз. А мне стало как-то безразлично, я снова ощутил себя посторонним в шумной компании сослуживцев. Мне не было дела до их разговоров, до их веселья, может, со стороны могло показаться, что я принял надменный вид, но мне не было ровным счётом никакого дела и до этого, как до всего прочего окружающего. Я ощутил себя чем-то вроде «внутреннего эмигранта»...

...Не помню уже, когда именно появилась этакая потребность самовыражения. И я начал торопливо записывать, когда накатывало, набегающие мысли, воспоминания, впечатления. Исписанные листки складывал в отдельную папку, так у меня появилось нечто вроде письмокопилки. Однажды меня осенило, что по мере увеличения моих записок количество неизбежно перейдёт в качество, и у меня получится нечто вроде романа. Тогда я стал писать в толстые тетради и продолжаю делать это и сейчас.

Я читал, есть такой эффект объёмных структур: расположенные особым образом группы небольших искусственных полостей, например, пчелиные соты, оказывают воздействие на биологические объекты. Так и мои записи при достижении определённого критического количества должны дать какой-то новый эффект. С некоторых пор я просто уверен в неизбежности этого...»

Спустя несколько дней мы встретились с Фёдором.

— Ну как? — спросил он с любопытством, заглядывая в глаза.

— Что как?

— Ну, записочки, которые я тебе дал. Как они тебе? Надеюсь, ты их не читал запомним? А?

— Как же я мог после такого страшного предупреждения! А вообще-то типичное творчество душевнобольных вроде: «Осень наступила, вызрела капуста, что-то изменились половые чувства...» Встречали, имеем представление.

— И это действительно всё?

— А почему ты не предоставил их для заключения психиатру?

Юрист рассеянно кивнул.

— Врачи дали заключение, что больной страдал какой-то там формой шизофрении с глюками. А что, тебе они не пригодятся?

— Ты имеешь в виду психиатров?

— Да нет же, хватит придуриваться! — раздражённо дёрнулся Юрист. — Я говорю о тетрадах. Так оставить их тебе насовсем?

— Оставь, если не жалко, обязуюсь вернуть по первому требованию, — пожал я плечами. Больше он о заметках исчезнувшего со мной не заговаривал.

Чем больше я читал эти записки, тем большую лёгкость начинал ощущать в голове. А не приведёт ли дальнейшая читка и к моему исчезновению? Эта мысль, какой бы бредовой ни казалась, заставила, в конце концов, отложить тетради подальше. В суматохе повседневных дел я вовсе забыл об их существовании. Лишь спустя несколько

лет они случайно обнаружили мною в пыли стенового шкафа, когда я в очередной раз вернулся издалека под крышу родительского дома. У меня нашлось время, и я рискнул уделить записям больше внимания, дойдя до конца.

«...Работа опротивела, огни неприятности. То, что положено, не выполняется почти никем. Начальство норовит перепихнуть всё на плечи подчинённых. Зато когда речь заходит о премиях и наградах, о заслугах и отличиях, непосредственные исполнители остаются в стороне. Со всеми практически сослуживцами отношения напряжённые, кто завидует лёгкости, с которой я управляюсь с производственными обязанностями, кто моей двухкомнатной квартире с удобствами. Я вижу их всех насквозь, кто чем живёт, кто чем дышит, кто тащит домой с работы. Пробовал делать замечания, увещевать — никакого толку, лишь возбудил ещё большую неприязнь к себе. Но я не сдался и написал о творимых безобразиях в разные инстанции. В результате — долгий и неприятный разговор с начальством, почти ультиматум с угрозой увольнения. Думал, уже не остаётся иного выхода, как судиться...

Всё же после моих писем они попритихли, получив несколько выговоров за халатность и тому подобное, но и меня вынудили держаться подальше в стороне от их делешек...

Теперь все дружно стараются устроить мне какую-то пакость. Это мафия, настоящая мафия! Недавно я убедился, что меня взяли на заметку. Причиной тому мои сигналы, и теперь нет сомнений, что те соответствующие органы, в которые я писал, установили за мной слежку. Только несколько фактов:

1. Возле моего подъезда установили бочку с квасом, причём специально таким образом, чтобы продавщица постоянно могла видеть и фиксировать время моего прихода и ухода.

2. Этажом ниже жильцы больше года назад уехали куда-то на Север, и теперь в этой пустовавшей квартире появились новые молодые люди. Несомненно, они установили снизу подслушивающие устройства и круглосуточно ведут наблюдение за моими действиями. Что ж, вряд ли я предоставляю им какой-либо материал...

3. Каждый вечер, когда я дома выключаю свет, за окном слышится заработавший двигатель легкового автомобиля, и моё окно на короткое время освещают его фары, после чего машина отъезжает. Несомненно, они следят за мной и подают таким образом сигнал-угрозу. Пришлось заклеить все оконные стёкла газетами.

4. Вчера на лавочке у моего подъезда сидели два красноносых типа и о чём-то оживлённо вполголоса спорили между собой. При моём появлении они как по команде замолчали, я сразу догадался, что, несомненно, речь шла обо мне, хотя видел их впервые. Я не растерялся и смело сел рядом на скамью. Это поставило их в тупик. Они явно не ожидали подобного с моей стороны и, видя, что я не собираюсь уходить, быстро встали и удалились. Их молчаливая согласованность действий подтвердила мои подозрения.

5. Некоторые знакомые при встрече на улице настойчиво интересуются моими делами, здоровьем и т.д., хотя я их ни о чём таком никогда не спрашивал и не спрашиваю. Я лишь усмехаюсь, им меня не провести, и выудить у меня ничего лишнего им не удастся. Они не подозревают, что я прекрасно знаю, чьё задание они выполняют!..»

Такие «доказательства» занимали в тетради исчезнувшего с добрый десяток страниц.

«...Почему же меня до сих пор не забрали? По-видимому, главная причина — то, что мой отец пока жив. До недавнего ухода на пенсию он занимал значительный пост в обкоме, меня пока не трогают из-за его сохранившихся связей. Но рано или поздно это случится, я уже не могу жить спокойно, надо что-то предпринять... И это при том, что я не чувствую за собой никакой вины! Что мне могут предъявить обвинением, кроме нескольких анекдотов, рассказанных на работе в минуту душевной слабости? Всеми виной мой проклятый язык, ведь слишком многие имеют на меня зуб за высказываемую в глаза и заочно правду-матушку...

... Всё чаще меня охватывает ощущение нереальности окружающего. Всё происходит помимо моей воли. Что я могу сделать практически? Как изменить этот столь иллюзорный мир? Лишь моё тело, уязвимая оболочка духа, связует меня с окружающим, боль, жажда, чувство голода, остальные насущные потребности — его приземлённые напоминания моему относительно свободному мозгу. Иногда мне кажется, что ещё немного, и я достигну порога превращения: ещё чуть-чуть, и я смогу раствориться во всей широте физического мира, кажется, не хватает только единственного усилия воли, апатия и усталость мешают свершить метаморфозу. Странно, но я почти уверен — произойди подобное, и моя растворённая сущность, пришедшая на смену огра-

ниченному объекту брэнного тела, сможет войти в точки соприкосновения нашего мира с иными, более объёмными, не воспринимаемыми нашими обычными чувствами.

Ведь видимый мир вокруг такое же узилище для нашего разума, как и наше тело, только на порядок выше. И если я сумею раствориться в его физических измерениях, смешаться со всей массой его материальных частиц, то уж по давню смогу преодолеть установленные рамки и диффузно проникнуть в качественно иное существование...

...Наша воля — это же небывалый инструмент, вложенный в наши руки матерью-природой, золотой ключик для чудесного переустройства внутреннего бытия, ракетоноситель для вывода нашего сознания на новый уровень бытия. И не ближе ли всех учений и религий приведёт к подобной цели буддизм с его отрешённостью от мирской суеты? Может, именно этот путь и даёт возможность заточить инструмент нашей воли до необходимой остроты, без которой не отсечь всё ненужное при последнем акте самосозидания?

Всё тлен, всё суета, людское мельтешение, бессмысленное накопительство, погоня за престижем, различными благами, дефицитами, всё миражи и самообман, как это противно! Демагогическая болтовня, лицемерие и лицедейство на трибунах — как далеко это от моего сознания, словно муравьиная суматоха под ногами. Насколько значительнее представляются рядом с этим вечное небо, многолетние деревья и укрытая одеялом травы земля, будто жгущие моего растворения в них, взывающие к единению с их душами, распахнутыми в иные миры. Странно, но, кажется, попытки запечатлеть на бумаге свои неожиданные мысли, ощущения, всё происходящее со мной, но помимо меня, приближают к возможности осуществления подобного. Наступит момент, и новое качество вырвет моё сознание из липкой паутины привычного.

Я раздобыл подборки дзэнских коанов, специальных упражнений буддистов для разума, направляющих его к выходу за пределы обычного сознания к конечному просветлению. Ежедневная работа над собой вместе с ведением этих записей, от которых я стал получать всё большее удовольствие, придают мне уверенность, что я смогу чего-то достичь на своём пути, того, что я пока лишь смутно предощущаю своей обострённой интуицией...»

— И что, у него точно имелись эти самые упражнения буддистов? — спросил я Задорова при очередной встрече. Надо сказать, мы не виделись лет семь, его временно перебрасывали в другую республику, судьба распорядилась, чтобы и я надолго покинул родной город.

— Что, надумал сам попробовать? — прищурился Фёдор, в его тёмно-каштановых волосах заметно пробивалась седина. Мы стали старше и... отчуждённее. — Да, кое-что обнаружили. В общем, ерунда какая-то... — он на минуту задумался и процитировал по памяти: — «Мы знаем звук хлопка двух ладоней, а как звучит одной ладони хлопок? Ты что же, допускаешь, что он, в самом деле, исчез, растворился или тому подобное?»

— А ты? Для чего ты дал мне эти записи, если они могут представлять какую-то опасность для читающего их?

— Видишь ли... Конечно, я не верю в подобную чушь, можно сотворить со своей психикой чёрт-те что, я допускаю возможность такого психологического самоубийства, но тело, материальное тело, куда могло подеваться? Не растворилось же оно на атомы, как писал этот ненормальный... Опасность для читающего записки сумасшедшего, конечно, всегда есть — сумасшествие заразительно. Но для этого нужна какая-то предрасположенность, а я достаточно знал тебя, чтобы не беспокоиться. И всё же... ведь ты не читал до конца? — я кивнул. — Наверное, в нас природой заложен тормоз на подобные вещи, чтобы, грубо говоря, крыша не поехала...

— Знаешь, Юрист, я почти поверил, что он ушёл из нашей жизни таким вот необычным способом. Другое дело, существуют ли иные миры и всё такое прочее. Всё это полнейшая мистика. Если у нас нет доказательств реальности, существующей помимо нашего опыта, то зачем подобные измышления? Даже если такое оказалось бы правдой, зачем уходить от не устраивающей нас действительности? Проще было бы постараться как-то изменить её согласно своим представлениям, а он даже не пытался этого сделать. Просто ущербная психика, вот и всё...

— Но какое-нибудь действие на тебя эти записи всё же оказали, ну, не своим смыслом, а минуя сознание?..

Я покраснел и кивнул.

— Да, какая-то магия в этих записях есть. Чертовщина, словом. Когда долго и внимательно их читаешь, начинаешь чувствовать, что мир вокруг как бы меняется, точнее, я ощущаю его иначе и становлюсь сам другим. Наваждение какое-то...

— Видишь, даже у тебя такое... Значит, они реально могут представлять опасность... — с удовлетворением заключил Фёдор, глядя в сторону.

— Ты действительно думаешь... если прочесть их с начала до последней страницы, можно в самом деле исчезнуть? — спросил я неожиданно шёпотом; неужели он серьёзно допускает подобное? А сам уже почему-то с тревогой подумал о своём пятилетнем сыне: а вдруг он когда-нибудь возьмёт и прочтёт? Можно ли поручиться, что из этого ничего не выйдет? Всё-таки «бережёного бог бережёт» и лучше «от греха подальше»...

Мы пришли одновременно к одной и той же мысли, как прежде поняв друг друга без лишних слов.

Тёплым сентябрьским вечером на песчаной полосе острова у самой воды Фёдор и я развели небольшой костёр. Неподалёку покачивался на волнах уткнувшийся металлическим носом в песок моторный катер, приобретённый недавно Юристом в рассрочку. Как некогда ставшие ненужными после выпускных экзаменов школьные тетради, мы бросили в огонь свёрток с записями исчезнувшего. Фёдор добавил к ним рукописные коаны и конспекты за третий курс заочного юрфака, на который он всё-таки поступил. Я повесил над пламенем котелок с чаем.

Багровое солнце заходило за чёрные силуэты заводов на далёком берегу. Огненная дорожка пролилась от него по воде в нашу сторону, дробясь на мелких речных волнах. Это был наш действительный мир, и, честное слово, в этот момент он выглядел не так уж плохо. Мы жили в нём и чувствовали, что впереди нас ждёт ещё многое...

Прежде чем крамольные бумаги превратились в пепел, я и ощутил это чувство новизны, резкой перемены в окружающем. Одновременно со сгоревшими записями от меня ушло что-то тревожное и гнетущее. Будто мы только что исполнили необходимый обоим ритуал очищения. Я помнил многое из тетрадей, но уже твёрдо знал, что ничего из написанного мне не пригодится. Этот мир мне вполне подходил, другого у меня просто не имелось, и в нём меня поджидала интересная работа, надо было постараться сделать что-то своё, так что исчезать или растворяться в нём не было совершенно никакого резона.

Солнце село, и даже внезапно задувший ветерок не смог рассеять налетевших комаров. Мы торопливо допили чай и погрузились в лодку, надо было отогнать её до темноты на платную стоянку.

Розовое небо гасло на западе, подвесной мотор долго не заводился и, наконец, взревел, катер дёрнулся и понёс нас в сторону города. На стремительно удалявшемся песке осталась кучка пепла — записки исчезнувшего, растворившиеся вслед за автором в окружающем мире.